

**Л.Э. СЕМЕНОВА**, д-р психол. наук, проф. каф. возрастной и педагогической психологии, НГПУ им. К.Минина, e-mail: [verunchka08@list.ru](mailto:verunchka08@list.ru)

**Е.В. КОЖИНА**, аспирант каф. возрастной и педагогической психологии, НГПУ им. К.Минина, e-mail: [cati-mail@mail.ru](mailto:cati-mail@mail.ru)

## **СУБЪЕКТИВНЫЙ СМЫСЛ МАТЕРИНСТВА У ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ И НЕ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ**

**L.E. Semenova, E.V. Kozhina,**

### **THE SUBJECTIVE MEANING OF MOTHERING AMONG WOMEN WITH AND WITHOUT CHILDREN**

В статье рассматривается современное состояние научной проблемы материнства с позиций его исследований как социального института и личного опыта женщин. В русле еmic-подхода представлены результаты анализа личностного уровня смыслового значения материнской роли у женщин, выполняющих родительские функции, и бездетных женщин. На конкретном фактическом материале формулируется вывод об обусловленности субъективного смысла материнства у современных женщин как социальными, так и психологическими причинами, имеющими отношение к их реальному личному опыту.

**Ключевые слова:** материнство как социальный институт, материнство как реальный опыт женщины, субъективный смысл материнства.

The article examines the current state of scientific problems of motherhood from the position of his research as a social institution and the personal experiences of women. In line with emic approach presented the results of the analysis of the personal level semantic meaning to the role of mother in women, carrying out parental functions, and childless women. On the specific factual material is formulated conclusion on causation of the subjective sense of mothering among modern women both social and psychological reasons related to their actual personal experience.

**Key words:** motherhood as a social institute, mothering as a real experience of women, the subjective meaning of mothering.

#### **ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Некоторые авторы склонны утверждать, что в современной культуре размываются представления о качествах «настоящей женщины», что, в свою очередь, приводит к появлению у многих женщин внутриличностного гендерного конфликта, возникновению экзистенциального кризиса в отношении своего предназначения, а также к кардинальным изменениям самой женской идентичности. Однако даже в эпоху перемен и тотального плюрализма, характеризующих культуру постмодерна, по-прежнему одной из главных ипостасей женственности считается материнство, выполнение женщиной родительских функций. И по сей день понятие «материнство» является феноменом, касающимся личности каждой женщины, как ставшей, так и не ставшей или даже сознательно отказавшейся стать матерью, поскольку нередко именно через призму материнства осуществляется ее социальная (гендерная) оценка.

В современном российском обществе социальные характеристики материнской роли очерчены гораздо определеннее, чем отцовской, и именно женщине-матери приписывается гораздо большее значение в деле первичной социализации подрастающего поколения [2, 5, 6].

Следует отметить, что существующие на сегодня научные исследования позволяют рассматривать материнство как социальный институт, с одной стороны, и как личный опыт женщины, с другой (цитир. по [3]). Наиболее очевидным это становится в

работах англоязычных авторов. Так, русскому термину «материнство» в научной литературе соответствуют два английских: «mothering» и «motherhood». Слово «mothering» подразумевает материнство как реальный опыт женщины, ее непосредственную родительскую деятельность, индивидуальные практики и стили поведения; это анализ того, что в действительности делает и чувствует конкретная мать, какова ее психология. В свою очередь слово «motherhood» означает материнство как социальный институт и идеологию, то, как представляет его себе общество, какие требования предъявляет к обязанностям и поведению матери, что зависит от существующих в нем социокультурных норм.

Подчеркнем, что впервые достаточно четко такое разведение осуществили феминистские исследователи (к примеру, А. Рич), в работах которых анализировались как социокультурные требования к материнской роли, так и индивидуальный личный опыт женщин матерей в различных жизненных ситуациях (матерей-монородителей, матерей-лесбиянок, матерей, которые поровну делят свои родительские обязанности с отцами, замужних матерей, которые в одиночку ухаживают за детьми и др.). При этом сразу же оговоримся, что феминистские авторы никогда не подменяли проблемы, связанные с материнством, критикой самого материнства как такового, что иногда пытаются отметить идейные противники феминизма.

В частности, некоторыми исследователями феминистской направленности подчеркивалось психологическое и идеологическое значение в жизни женщины материнской роли, ее идеализации общественными институтами [9], а также констатировался факт зависимости материнства и материнской любви как от истории общества, так и от истории конкретной матери [12]. Исходя из общественного отношения к материнству, его социальной организации, предполагающей возложение основной заботы о детях на женщин, и особенностей самой женской социализации, авторами указывалось на центральное место материнской роли в жизни женщины, на ее исключительную эмоциональную и смысловую нагрузку.

Современная культура идеализирует мать, представляет ее так, будто она интуитивно знает, что нужно делать для ребенка, будто женщина по природе всей наделена врожденным материнским инстинктом, спокойствием и терпением, внимательна к нуждам других и принимает на себя заботу о своих близких, включая детей, без колебаний и затруднений, что, по мнению феминисток, на самом деле не соответствует истине и очень усложняет жизнь реальной женщины [11].

По словам А. Рич, в патриархатном обществе институт материнства с его идеологией создан для угнетения женщин. По ее мнению, мужчины-эксперты на протяжении истории контролировали женские тела, препятствовали контролю над рождаемостью и абортами, мужчины-медики установили отчуждающие ребенка от матери условия деторождения, педиатры, терапевты, религиозные деятели, писатели (в большинстве своем мужчины) создавали идеализированные образы матерей и предъявляли к ним невыполнимые требования путем определения их «здоровой идентичности» (цитир. по [4]). Иными словами, согласно феминистским авторам, общество ставит женщин в такие условия, когда они, несмотря ни на что, становятся матерями [3, 11], нередко оказываясь вынужденными матерями, для которых воспитание детей превращается в неприятное бремя, и они занимаются им либо, не желая того, либо наспех.

Так, рассматривая и опровергая «миф о материнстве», Э. Оукли делает вывод о том, что биологическое материнство вовсе не является необходимостью для женщины, а представляет собой социальный конструкт, используемый обществом с целью подавления. По ее мнению, те женщины, которые были бы счастливы без детей, становятся под давлением социума матерями, и часто тем самым оказываются несчастными. А те женщины, которые хотели бы разделить материнскую ответственность с мужчинами, вынуждены быть матерями круглые сутки, что также делает их несчастными. И к тому же все это усугубляется еще и тем, что женщины, как правило, воспринимают неудачу и несчастье в материнстве как личную катастрофу и провал (цитир. по [3]).

Отметим, что именно из подобного рода заключений, из критики доминирующих в культуре трактовок материнства, возникли феминистские идеи превращения материнства в дело личного выбора женщины и замены материнства дуальным родительством [11].

Что же касается собственно психологических исследований проблемы родительства и материнства, в частности, то в настоящее время наиболее распространенной в них является тенденция, в соответствии с которой материнство принято рассматривать как социокультурный конструкт, который формируется под влиянием общества и различных социальных институтов. При этом, согласно имеющимся в психологии данным [7, 10 и др.], социальные влияния на индивидуальное материнство, действительно, оказываются весьма значительными.

Как известно, в современном обществе в связи с развитием медицины и улучшением бытовых условий физические и биологические требования к вынашиванию ребенка и уходу за ним значительно снизились. Однако в то же время усилиями общества наметилось существенное увеличение эмоциональной вовлеченности женщины-матери, возрастание доли ее ответственности не только за жизнь и здоровье, но и психологическое благополучие и общее развитие ребенка.

К сказанному, на наш взгляд, важно добавить и тот факт, что абсолютизированные в массовом сознании идеи о материнском инстинкте и незаменимости матери, врожденной способности женщин растить и воспитывать детей в реальности оказывают матерям плохую услугу, поскольку, как показывают исследования, воспитание детей связано не с природными задатками, а с целым рядом чувств и умений, которые требуют своего развития в ходе детско-родительского взаимодействия [7]. Поэтому большинству женщин, как и мужчин, приходится на практике учиться ухаживать за детьми.

Изучение реального опыта материнства свидетельствует о том, что он может существенно отличаться от культурно заданных стандартов, причем в личностном плане материнская роль может приносить женщине не только удовольствие и радость, но и огромные трудности. В частности, по оценкам самих женщин, ставших матерями, дети вносят в их жизнь серьезные изменения и предполагают появление существенных ограничений. Но, кроме чувства потери и тягот по воспитанию, ими признаются и другие слагаемые материнства, связанные с взаимоотношениями, которые оказываются самыми трогательными и прочными в жизни. К тому же для большинства матерей оказывается характерно одновременное выражение по отношению к ребенку как положительных, так и отрицательных чувств, поэтому, обычно жалуясь на то, как много сил и времени отнимают заботы о ребенке, вместе с тем женщины признаются, что им нравится с ним заниматься и они делают это с удовольствием [8].

Кроме того, наряду с вышеперечисленными проблемами материнства применительно к нашей стране на сегодняшний день ситуация усугубляется еще и тем, что проведение экономических реформ, требующих резкого сокращения финансирования социальных программ, привело к замораживанию многих льгот и дотаций и, как следствие, к резкому снижению уровня социальной защищенности женщин-матерей, превращению материнства из государственного в частный институт с личной ответственностью женщины. Переориентация государственной политики и переход к системе рыночных отношений сопровождаются ростом цен, коммерциализацией здравоохранения и образования. Все это вынуждает женщин брать на себя дополнительное бремя обязанностей, которые раньше делились с государством. Поэтому современная российская женщина в силу ряда социальных, экономических и некоторых других причин все чаще и активнее начинает выбирать, иметь ей детей или нет.

Наметившееся противоречие между декларируемым социальным статусом материнства и реальными возможностями его реализации в современном российском обществе нередко ведет к психологической неготовности женщины к материнству, либо к ее сознательному нежеланию становиться матерью (усиление чайлдфри-тенденции).

С учетом изложенного выше, нами было проведено собственное эмпирическое исследование, направленное на изучение субъективного смысла материнства у разных категорий женщин. Это исследование носило сравнительный характер, а именно: в нем был реализован так называемый етіс-подход, поскольку в центре нашего анализа оказались представители одной социокультурной группы – женской. В частности, нас интересовал личностный уровень смыслового значения материнской роли и субъективных переживаний относительно материнства у женщин, имеющих и не имеющих детей. При этом наша выборка реальных матерей включала в себя как женщин, воспитывающих детей в полной семье, так и женщин-монородителей, среди которых были те, кто стали монородителями вынужденно, и те, кто сознательно пришли к своему монородительству. Причины монородительства женщин, воспитывающих детей в неполной семье, были выявлены нами в предварительном интервью и в рамках данной статьи не обсуждаются.

Нами была сформулирована следующая *гипотеза*:

Опираясь на литературные данные, мы предположили, что образ материнства / материнской роли в представлениях женщин, уже ставших родителями и не являющихся таковыми, будет иметь разное смысловое значение, обусловленное их субъективными переживаниями реального личного опыта материнства, связанного с семейным статусом испытуемых-матерей (замужние / незамужние), фактом наличия / отсутствия у женщин детей и осознанностью выбора альтернативного материнства испытуемыми-монородителями.

Всего в нашем исследовании принимали участие 74 женщины. Из них: 20 испытуемых – матери из полной семьи; 19 женщин, вынужденно ставших монородителями; 15 матерей, сознательно избравших монородительство, и 20 испытуемых – женщины, не имеющие детей.

#### МЕТОДИКА

В качестве диагностического инструментария нами был использован модифицированный вариант методики семантического дифференциала Чарльза Осгуда [1], с помощью которого мы измеряли степень субъективной близости в представлениях испытуемых разных групп образа «материнство / материнская роль» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка».

Подчеркнем, что одна из сложностей изучения субъективного смысла как личностного отношения человека заключается в том, что он с трудом поддается выявлению путем простого опроса в силу подверженности этой процедуры явлению социальной желательности. Испытуемым необходимо перенести информацию о своих глубинных мотивах и переживаниях в ситуацию взаимодействия с исследователем, на которую так или иначе оказывают влияние существующие социальные нормы и ценности. В свою очередь, психосемантические методы позволяют изучать феномены индивидуального отношения (личностный смысл предлагаемых в исследовании понятий) не прямо, а косвенно и тем самым в значительной степени минимизировать или даже полностью нейтрализовать эффект социальной желательности.

Специфика семантического дифференциала заключается в том, что с его помощью можно измерить в пространстве, построенном на основе шкал-измерителей, близость понятий / образов, имеющих для человека либо одинаковый, либо разный смысл [1], и тем самым определить степень их субъективной близости (смыслового тождества) для испытуемых. Методика, используемая нами, включала в себя 21 шкалу, каждая из которых имела семизначную градацию (семь координат значений).

Расстояние в психосемантическом пространстве (т.е. семантический дифференциал) рассчитывался по традиционной формуле:

$$CD = \sqrt{\sum d_{xy}^2}$$

где  $d_{xy}^2$  - алгебраическая разность между координатами значений  $x$  и  $y$  на каждой из 21 шкал.

Соответственно, степень семантической близости образа «материнство / материнская роль» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка» определялась количественными показателями: чем ближе к 0 разница между сопоставляемыми образами / понятиями, тем больше степень их смысловой близости в представлениях испытуемых.

#### РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В таблице 1 приведены данные измерения степени субъективной близости в представлениях испытуемых разных групп образа «материнство / материнская роль» с понятиями «счастье», «обуза», «смысл жизни» и «жизненная ошибка».

Таблица 1 – Субъективный смысл материнства у женщин, имеющих и не имеющих детей

Понятия для установления смыслового тождества	Группы испытуемых			
	Женщины – замужние матери	Женщины, не имеющие детей	Женщины, сознательно ставшие монородителями	Женщины, вынужденно ставшие монородителями
Счастье	1,30	1,16	1,64	3,43
Смысл жизни	1,47	2,96	0,87	2,21
Обуза	2,14	1,38	2,02	1,59
Жизненная ошибка	3,34	2,81	3,82	1,31

Из зафиксированных в таблице 1 количественных показателей можно видеть, что наиболее ярко смысловое сходство материнства со счастьем наблюдается у женщин, не имеющих детей (СД=1,16), со смыслом жизни – у женщин, сознательно выбравших монородительство (СД=0,87), с обузой – также у бездетных испытуемых (СД=1,38), тогда как с жизненной ошибкой – у женщин, вынужденно ставших монородителями (СД=1,31). Напротив, наибольшее смысловое расхождение образа «материнство / материнская роль» с понятием «счастье» отмечается у испытуемых, вынужденно ставших монородителями (СД=3,43), с понятием «смысл жизни» – у женщин, не имеющих детей (СД=2,96), с понятием «обуза» – у замужних матерей (СД=2,14), а с понятием «жизненная ошибка» – у женщин, сознательно выбравших монородительство (СД=3,82). Таким образом, согласно полученным нами данным, испытуемые разных групп демонстрируют несколько различные смысловые ассоциации, иллюстрирующие некоторые особенности их субъективного отношения к материнству.

Кроме того, для большей наглядности результатов исследования и удобства их анализа мы проранжировали сопоставляемые с образом «материнство / материнская роль» понятия по степени выраженности их психосемантического сходства для каждой группы испытуемых (в порядке уменьшения), что нашло свое отражение в таблице 2.

Таблица 2 – Ранговые позиции сопоставляемых с образом «материнство / материнская роль» понятий по степени их смыслового сходства (на основе семантического дифференциала)

Ранг	Группы испытуемых			
	Женщины – замужние матери	Женщины, не имеющие детей	Женщины, сознательно ставшие монородителями	Женщины, вынужденно ставшие монородителями
1	Счастье	Счастье	Смысл жизни	Жизненная ошибка
2	Смысл жизни	Обуза	Счастье	Обуза
3	Обуза	Жизненная ошибка	Обуза	Смысл жизни
4	Жизненная ошибка	Смысл жизни	Жизненная ошибка	Счастье

Обратимся к обсуждению полученных нами результатов.

Итак, судя по представленным в таблицах 1 и 2 эмпирическим данным, у женщин-матерей, воспитывающих детей в полной семье, наблюдается ярко выраженное психосемантическое сходство материнства со смыслом жизни и счастьем и вместе с тем его сильное расхождение с жизненной ошибкой. Иными словами, эта группа испытуемых склонна воспринимать материнскую роль как имеющую для них исключительно позитивное значение, причем, прежде всего, в контексте смысла собственной жизни. Комментируя такого рода факты, подчеркнем, что, скорее всего, наличие супруга, пусть даже и не принимающего активное участие в воспитании детей, может давать многим женщинам дополнительную уверенность и ощущение собственного благополучия (хотя бы социального, в плане соответствия культурным ожиданиям и гендерным стандартам), в том числе и как матери.

Частично аналогичная тенденция прослеживается и в группе женщин, не имеющих детей, за тем исключением, что здесь, с одной стороны, имеет место самая высокая степень идентификации материнства с образом «счастье», а с другой, – его более выраженное сходство с обузой. Такой несколько противоречивый характер восприятия материнской роли, на наш взгляд, можно объяснить отсутствием личного опыта испытуемых, часть из которых (70%), согласно результатам предварительного интервью, независимо от факта своего замужества, либо отсутствия такового, в ближайшее время планирует стать матерью и, вероятно, присвоив культурный стереотип «счастливого материнства», идеализируют желаемый образ, тогда как другие (30%) связывают свое возможное родительство с различного рода самоограничениями.

Что же касается женщин-матерей, воспитывающих детей в неполной семье, то их восприятие материнства оказывается во многом зависимым от характера тех причин, по которым они стали монородителями. Так, у женщин, сознательно выбравших альтернативное материнство, прослеживается самая высокая среди всех испытуемых степень идентификации материнской роли со смыслом жизни, и именно они же менее всего ассоциируют ее с жизненной ошибкой. Полагаем, что такого рода тенденцию можно объяснить фактом осознанно спланированного материнства этих женщин и реально высокой значимостью для них своего ребенка, которому обычно посвящаются все временные, эмоционально-психологические и материальные ресурсы матери, что нередко порождает детский эгоизм и избалованность, а также может приводить к неоправданно высоким ожиданиям таких матерей относительно своего ребенка. В то же время в отличие от замужних матерей у испытуемых этой группы несколько выше степень психосемантического сходства образа «материнство» с обузой, что логично объяснить наличием у многих российских женщин-монородителей экономических (низкие доходы, незащищенность со стороны государства и др.) и социально-психологических («обязательность» полной семьи, одиночество, единоличная ответственность за ребенка и т.п.) трудностей.

В свою очередь, у женщин, вынужденно ставших монородителями, обнаруживается самая высокая в нашей выборке степень идентификации материнства с жизненной ошибкой и его незначительное психосемантическое сходство со счастьем. По всей видимости, изначальная неготовность или нежелание этих женщин становиться матерью, либо разочарование в этой роли в связи с возможными переживаниями относительно неустроенности личной жизни, семейными и другими проблемами, не позволяет им испытывать искренние позитивные чувства к своему ребенку, к процессу его воспитания, принимать свои родительские функции и тем самым вынуждают большинство из них центрироваться на негативных аспектах материнства. Поэтому мы не можем исключить вероятности того, что эти испытуемые попадают в группу риска матерей, для которых характерно выстраивание неблагоприятных для развития ребенка родительско-детских отношений.

## ВЫВОДЫ

Итак, как показало наше сравнительное исследование, выполненное в етіс-подходе, субъективный смысл материнской роли у современных российских женщин может иметь различный характер, обусловленный рядом социальных и психологических причин, связанных с их личным опытом материнства. Другими словами, сформулированная нами гипотеза нашла свое подтверждение.

Анализируя полученные результаты, мы убедились в том, что отношение женщины к материнству определяется некоторыми фактами ее личной жизни, среди которых, в частности, следующие: наличие / отсутствие детей (т.е. реальность выполнения женщиной материнской роли), семейный статус матери (замужняя / незамужняя), а в случае альтернативного материнства – сознательный выбор либо вынужденность монородительства. При этом наиболее негативное отношение к материнству было обнаружено у женщин, ставших монородителями вынужденно, что, на наш взгляд, может служить косвенным подтверждением их собственного неблагополучия и рассматриваться как фактор риска, затрудняющий конструктивное взаимодействие матери и ребенка.

В целом, обобщая вышесказанное, мы склонны полагать, что полученные нами результаты позволяют выйти на более детальное обсуждение проблемы готовности женщины к материнству, принятия ею своей материнской роли и тем самым осуществить разработку адресной психологической помощи, учитывающей реальный индивидуальный опыт каждой конкретной женщины. Кроме того, мы также считаем, что проведенное нами исследование может послужить одной из отправных точек для дальнейшего изучения родительства (не только материнства, но и отцовства), как личного опыта взрослого человека.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова, Т.С. Эмоциональное «Я – Мы» (опыт психосемантического исследования социальной идентичности) / Т.С.Баранова // Семейная психология и семейная терапия. – 2004. – №2. – С. 3-9.
2. Борисенко, Ю.В. Психология отцовства / Ю.В.Борисенко. – М.-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. – 220 с.
3. Воронина, О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований / О.А.Воронина // Теория и методология гендерных исследований / под общ. ред. О.А.Ворониной. – М.: МЦГИ: МВШСЭН: МФФ, 2001. – С. 13-108.
4. Гурко, Т.А. Родительство: социологические аспекты / Т.А.Гурко. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 164 с.
5. Гурко, Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра соц. наук / Гурко Татьяна Александровна. – М., 2008. – 46 с.
6. Кон, И.С. Ребенок и общество / И.С.Кон. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
7. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен / Р.В.Овчарова. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
8. Фоули, Д. Энциклопедия женского здоровья / Д.Фоули, Э.Нечас. – М.: АО КРОН-пресс, 1995. – 623 с.
9. Чодороу, Н. Воспроизводство материнства. Психоанализ и социология гендера / Н.Чодороу. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 292 с.
10. Щукина, Е.Г. Психосоциальные основы формирования материнства на современном этапе / Е.Г.Щукина // Мир психологии. – 2005. – №2. – С. 206-216.
11. Эллиот, П. Теории феминизма / П.Эллиот, Н.Менделл // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / под ред. И.А.Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 1998. – С. 15-46.
12. Badinter, E. L`amour en plus histoire de l`amour maternel, XXVII – XX-e siecle / E. Badinter. – Paris: Flammarion, 1980. – 450 p.